



Они сражались за Родину!

★ Даниил ВЕКОВ ★

СТАЛИНСКИЙ ТАРАН



**ТАНКИ
ШТУРМУЮТ ДОТЫ**



МОСКВА
2017



УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Художник — *Валерий Петелин*

Веков, Даниил.

В26 Сталинский таран. Танки штурмуют ДОТы / Даниил Веков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 288 с. — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-04-089957-9

Декабрь 1939 года. Красная армия с упорными боями прогрызает «линию Маннергейма». Вместе с пехотой и артиллерией в бой идут танкисты — на быстрых БТ, легких Т-26 и грозных Т-28. Но прорыв дается нелегко, каждый метр приходится брать с кровью... На помощь атакующим приходят экспериментальные танки, только что поступившие в 20-ю особую тяжелую танковую бригаду — Т-100, СМК и КВ. Смогут ли новые боевые машины переломить ход сражения? Удается ли «Сталинскому тарану» пробить мощную финскую оборону?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веков Д., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
ISBN 978-5-04-089957-9 © ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

...Морозно и тихо. Даже лесных птиц не слышно — прячутся в гнездах, пережидают неожиданно нагрянувшие холода. Только хрустит под ногами снег да горят в небе прозрачные звезды. Неживые и равнодушные в синем сиянии.

По длинной траншее ходят двое — рядовые ополченцы Арни Кемпли и Эйно Полунен, ёжятся от холода. Главное сейчас для них — не уснуть, а то в такой жуткий холод мигом околеешь. Вот и поставили их вдвоем — чтобы подбадривали друг друга, не давали присесть и закрыть глаза. Потом больше не встанешь.

...Мороз, наверное, градусов тридцать, не меньше, а курить нельзя! Русские близко, в километре, сразу заметят. И долбанут из всех орудий — пушек много, а снарядов — еще больше. А у них в пехотном батальоне в наличии всего два «Бофорса». На всю линию... Снарядов же к ним — по одному ящику, последнему. Только и называется, что противотанковая батарея, а по сути — почти ничего. Русские танки, если массой пойдут, не остановят...

Но им еще повезло, хоть это есть, а в соседних батальонах, говорят, пушек вообще не имеется, воевать с русскими нечем. Против танков — од-

ни гранты да бутылки с зажигательной смесью... У большевиков же помимо пушек есть еще и минометы, тоже доставляют много неприятностей: визгливые мины то и дело залетают в траншеи, разлетаются острыми осколками... Русские методично, по два-три раза в день обрабатывают окопы, где сидит героическая пятая рота капитана Мальме. Осколочно-фугасных снарядов и мин не жалеют...

...Очень хочется курить, но нельзя, стоит только чиркнуть спичкой, и полетят «подарки»... Русские же спокойно дымят и жгут костры, греются, пьют чай. Крепкий запах махорки доносится даже сюда, и ты сиди, нюхай. И терпи. От этого так тоскиво делается!

...В небо с противным шипением взлетела ракета. Белый, мерцающий свет на минуту озарил лес и холодное поле. Но вскоре погас, и вокруг снова воцарилась глухая ночь... Арни Кемпли остановился, прислушался — кажется, кто-то стонет. Да, так и есть: со стороны ничейной полосы доносятся слабые крики. Скорее всего, это один из красноармейцев, раненный во время дневной атаки. Упал, скошенный пулей, потерял сознание, а теперь очнулся от мороза и стонет, зовет своих. Бедняга! Жить ему осталось совсем чуть-чуть... Хотя, наверное, это даже лучше — скорее отмучается.

Арни прошел немного, увидел Эйно Полунена, тот тоже напряженно вслушивался.

— Слышишь? — кивнул в сторону поля.

— Да, — подтвердил Эйно, — раненый. У большевиков были большие потери...

СТАЛИНСКИЙ ТАРАН. ТАНКИ ШТУРМУЮТ ДОТЫ

— Может, добьем? — предложил Арни. — Дадим из пулемета...

Эйно послушал: «Мама, мама...» Он немного знал по-русски, отец в свое время научил, а потому понял без особого труда. Да и как было не понять — все зовут маму одинаково. Слабый голос умирающего звучал жалобно, тоскливо. Эйно вздрогнул — представил себе, что испытывает сейчас этот несчастный человек...

...Днем на их окопы обрушился шквал огня. Большевики уже третий день штурмовали позиции добровольцев-шюцкоровцев, и каждый раз — по одному и тому же сценарию. Начиналось все с долгой артиллерийской подготовки: пушки не менее часа обрабатывали тонкую линию обороны, им активно помогали минометы — тоже вносили убийственный вклад.

Это было самое тяжелое время: приходилось сидеть, скрючившись в тесном окопчике, и терпеливо ждать. А в любой момент тебя могло завалить землей или ранить острым осколком... И не убежишь никуда, не скроешься!

Ополченцы забивались в земляные щели и закрывали уши ладонями — чтобы не слышать противного визга мин и гулко-уханья тяжелых снарядов. Во все стороны летели комья мерзлой земли, люди молились, чтобы это все скорее закончилось...

После артналета русские, как правило, сразу шли в атаку, причем большими силами — не менее батальона. Нескладные фигуры в серо-зеленых шинелях с винтовками наперевес бежали

по перепаханному снарядами полю и нестройно кричали «ура!». Пока не упирались в проволочные заграждения. Пять рядов «колючки» (то, что от них осталось) все еще являлись солидным препятствием...

Острые железные крючки цеплялись за шинели, не давали идти, и стоило бойцам лишь замедлиться, замешкаться, как в действие вступали финские пулеметы. М-26 били часто, гулко, выкашивали людей, как траву. Да и сами шюцкоровцы не сидели без дела — стреляли из винтовок, причем довольно метко. Большинство же — из охотников, с детства приучены к оружию. Со ста метров белке в глаз попадают... Медленный, неуклюжий красноармеец больше походил на медведя, точно не промахнешься! Один выстрел — и уже мертвый.

Затем в дело вступали спрятанные финские орудия — еще царские, старые «трехдюймовки». Хоть и мало их осталось, но польза была большая. Несмотря на солидный возраст (многим — уже полвека) сохранились они прекрасно и работают как часы. В основном стреляли зарядами со шрапнелью, и сотни стальных шариков, разлетаясь широким веером, ранили, калечили советских бойцов...

После такого артналета на грязно-белом, перепаханном взрывами поле оставались десятки раненых и убитых, и стрелковые роты, потеряв значительную часть людей, откатывались назад. Чтобы завтра, получив пополнение, начать все снова.

СТАЛИНСКИЙ ТАРАН. ТАНКИ ШТУРМУЮТ ДОТЫ

...Один из таких раненых и лежал сейчас на поле. Рядом с ним, хорошо видимый в лунном свете, стоял покореженный скелет советского танка, подбитого два дня назад. Этот Т-26, прорвавшись сквозь «колючку», почти достиг края траншей, обжег шюцкоровцев свинцовым пулеметным ливнем, ударил из орудия... Казалось бы, все, оборона прорвана, но, к счастью, подоспели противотанкисты, выкатили на прямую наводку 37-мм «Бофорс». И вlepили с близкого расстояния бронебойным в борт...

«Двадцать шестой» сразу загорелся, из него выскочили три танкиста в черных комбинезонах и шлемах, начали кататься по снегу, сбивая пламя. Младший сержант Йохан Райнен срезал их из пулемета...

...И вот на поле стоит черный стальной гроб, намертво вмёрзший в снег. Холодное, обледенелое железо, ни на что уже не годное. Возле него каким-то чудом уцелели молодые сосенки. Без вершин, ободранные, голые, напоминающие обгоревшие спички... Которые чудак-великан ради шутки воткнул прямо в снег.

Как одиноко и страшно, наверное, умирать в этом месте! Без родных, без близких, даже без своих товарищей... В душе Эйно Полунена шевельнулось чувство жалости.

— Нет, Арни, — твердо сказал он, — мы не станем добивать русского. Ему скоро придут на помощь...

И оказался прав: на поле показались две темные фигуры, поползли по снегу. Арни вскинул бы-

ло винтовку, но Эйно остановил: пусть! Они же за своим раненым ползут, не станем им мешать. Даже на самой жестокой войне должно быть место человеческого состраданию...

Темные фигуры приблизились к бойцу, треснул сухой пистолетный выстрел. Очевидно, помочь ему уже было нельзя, решили просто добить. Тоже из своеобразного сострадания. На войне свои правила и понятия...

На мерзлом поле стало тихо. Лишь по-прежнему светили холодные звезды и ходили по заледенелым траншеям финские часовые, укутанные в овчинные тулупы, зорко вглядывались в ночную мглу — не подбираются ли к ним русские? Надо быть внимательным, враг совсем близко. Беспощадный даже к своим раненым... Чего же тогда ждать им? Убьют без всякой жалости...

Часть первая

ГРАНИТ И ЛЕД

Глава первая

—Эй, братцы, пустите погреться!

Иван Меньшов ввалился в землянку, протиснулся поближе к печке. Стало совсем тесно — у огня и так сидели уже три человека. Не развернуться! И даже ноги не вытянуть... Землянку соорудили из воронки, оставшейся от фугаса, закрыли сверху сосновыми ветками. Долбить твердый, как камень, грунт, было нечем — ни ломов, ни саперных лопаток...

Впрочем, жаловаться было грех: сверху есть крыша, снег не сыплется, а снизу — мягкие еловые лапы, чтобы ноги не мерзли. Земляные стенки укрепили пустыми патронными цинками, очень славно получилось: и удобно, и дополнительная защита. Вместо двери повесили плащ-палатку, еще три бросили на пружинистые хвойные ветви — вот тебе и лежанки. Мягко, и еще приятный смоляной дух идет, прочие запахи перебивает. А в пехоте их много, и не всегда приятные, особенно если две недели бани не было...

Печку соорудили просто: добыли в развалинах соседней мызы несколько кирпичей, сделали из снарядных гильз трубу, вывели наружу — вот и вся недолга. В общем, жить можно. И готовить удоб-

но: поставил на кирпичи котелок, развел костер и вари себе. Жалко только, что особого разнообразия не было: уже который день ели гороховый концентрат и пшенку. Но, слава богу, хоть свежий хлеб стали привозить, а то одни сухари грызли. А на них долго не продержишься. И не повоюешь...

Нет, что ни говори, а горячая пища в зимних условиях — залог победы. Это тебе любой скажет! На сытый желудок и воюется веселее, и переносить трудности гораздо легче. А то раньше как было: погнали батальон вперед, а полевая кухня где-то отстала, застряла в лесах. Вместе с передвижным хлебозаводом и прочими тыловыми службами. Ни каши тебе, ни супа, один лишь чай с черствыми сухарями...

Так и держались пять дней, пока шли по безмолвной финской тайге. Холодно, мрачно — одни серые гранитные скалы, темные ели да гнилые болота, едва припорошенные снегом. Попадешь в топь — и сразу конец: под тонкой коркой льда — гиблая яма. Здешние трясины не замерзают даже в самый сильный мороз. Хмуро, нелюдино, неприветливо...

Ни одно живой души, лишь выйдет к дороге лось-великан, посмотрит удивленно на бойцов и грузовики и скроется снова в зимней чаще. Да еще иногда по ночам слышится далекий, тоскливый вой волка...

И народ местный под стать природе: ни слова ласкового, ни улыбки. Совсем финны не рады Красной Армии, никакой пролетарской солидарности. Наоборот: косые взгляды да злые гла-

СТАЛИНСКИЙ ТАРАН. ТАНКИ ШТУРМУЮТ ДОТЫ

за из-под насупленных бровей... Глупые же люди! Мы идем к вам, чтобы вы жили свободно и счастливо, как все народы в СССР, чтобы стала Финляндия шестнадцатой республикой, одной из равноправных сестер... Даже в нашей песне поется: «Мы приходим помочь вам расправиться, расплатиться с лихвой за позор, принимай нас, Суоми-красавица, в ожерелье прозрачных озер!»¹ Так нет же, бегут, скрываются, оставляют после себя одни черные пепелища...

* * *

К счастью, с местным населением бойцы и командиры 650-го полка 138-й стрелковой дивизии сталкивались редко: почти все жители с семьями давно бежали в тыл. Подальше от страшных большевиков! Жгли деревянные дома, взрывали каменные постройки...

Рачительные красноармейцы быстро придумали брать кирпичи для своих нужд. Днем несли их в вещмешках, ночью укрепляли ими палатки (чтобы ветром не уносило) или делали из них печи. Быстро и удобно. Русский человек нигде не пропадет, к любым условиям приспособится...

Если удавалось остановиться где-то на пар тройку дней, рыли землянки, сооружали бани. Для помывки и отдыха. Делали их очень просто: в брезентовой палатке ставили на кирпичи железную бочку, набивали булыжниками, разводили

¹ «Принимай нас, Суоми-красавица», 1939 г., музыка братьев Покрасс, слова Анатолия д'Актиля.

огонь пожарче и плескали на камни водой — для пара. Настоящая сауна получалась, не хуже любой финской! Опять же — при случае можно от души похлестать себя березовым веничком, чтобы снять усталость, выскочить наружу, в снег. А затем назад, снова к огню... После нескольких заходов — вымыться потщательней, бельишко свое постирать, чтобы вши и гниды жить не мешали. А то тыловики положенную смену еще не скоро привезут...

...Иван скинул шинель, задубевшую на морозе, снял буденовку, запорошенную снегом, протянул озябшие руки к огню. Его товарищи, Гриша Смирнов, Петя Гольцев и Коля Омельчук потеснились, подпуская ближе к печке. Командир отделения Степан Захарченко сиплым голосом (простыл сильно) спросил:

— Принес?

— Так точно! — по-уставному ответил Иван и достал из-за пазухи две газеты — дивизионную и армейскую. Именно за ними он и ходил сегодня в штаб батальона — знал, что привезут.

— Добро! — кивнул Захарченко. — И почитать есть, и на курево пойдет.

Бойцы одобрительно зашумели, потянулись к листкам — но не для чтения, конечно, а на самокрутки. Махорку им, как положено, выдали, строго по норме, а вот с бумагой вышла промашка — на всех не хватило. Теперь они с особым нетерпением ждали, когда в батальон привезут свежие газеты. Те на фронте оказались ужасно востребованными, для всяких нужд: и табачных, и санитарных, и всяких прочих...

СТАЛИНСКИЙ ТАРАН. ТАНКИ ШТУРМУЮТ ДОТЫ

К счастью, многотиражка 7-й армии «На страже Родины» и боевой листок 138-й стрелковой дивизии «Красноармейская правда» выходили регулярно — политотделы старались. Поэтому перебоев с бумагой почти не было — в отличие от горячей еды и хлеба...

— А письма? — тут же поинтересовался Петя Гольцев.

Меньшов отрицательно покачал головой — не привезли. Петя огорченно вздохнул: у него в селе осталась невеста, и он с нетерпением ждал от нее весточек...

Впрочем, письма из дома ждали все, на войне они нужнее любых газет. Ивану в этом плане было проще: у него из родных — лишь дед да бабушка, и оба неграмотные, только подпись-закорючку поставить умеют. Поэтому вестей от них он не ожидал...

...Отец Ивана, Александр Меньшов, прошел всю Германскую, служил честно, воевал отлично, единственный в деревне (да и во всех округе, пожалуй) выбился в офицеры — получил чин прапорщика. Потери в русской армии были огромные, в 1916-м году разрешили производить в офицеры сразу из нижних чинов. Самых опытных, конечно. А у Александра уже имелся солдатский Георгий — за храбрость, к тому же он был грамотный, что тоже важно. Вот и стал одним из первых кандидатов на чин...

Успешно прошел трехмесячные курсы, получил погоны. Затем, уже в Гражданскую, стал подпоручиком. Воевал на стороне белых (так уж вышло), за что его потом и расстреляли. Не по-